

Вадим Петровский

«Я» В МЫСЛИ И «Я» НАЯВУ¹

Аннотация. Иллюзия полагать, будто бы индивидууму, говорящему о себе «Я мыслю», «Я действую», «Я переживаю» и т.п., присуще некое самодеятельное Я как изначальный центр и средоточие активности; обычно мнимое Я принимают за истинное. Однако присущие культуре знаковые системы, формируя прообразы Я в психике, способны приобрести статус идеи, производящей свой собственный «предмет». В том случае, когда спонтанная бессубъектная активность, присущая индивидууму, конфигурируется знаками-прообразами Я, произведенными культурой, рождается действительное, истинно существующее Я, – «причина себя». Рассмотрены формы существования Я: «во мне и со мной», «во мне и при мне», «во мне – у меня», «мною и мне», «вне меня – у меня», «вне меня – от меня», «вне меня – из-за меня».

Ключевые слова: Я; прообраз Я; мнимое Я; действительное Я; бессубъектная активность; знак; опосредование; существование.

Abstract. Illusion to believe, as if to an individual speaking about “I think”, “I operate”, “I worry”, etc., certain amateur I am inherent, as the primary center and activity center; usually imaginary I take for the true. However sign systems inherent in culture, forming prototypes I in mentality, are capable to get the status of the idea making own “subject”. In that case when the spontaneous subjectless activity inherent in an individual, is configured by signs-prototypes I, made by culture, valid, truly real I am born, – “the reason of”. Forms of existence I are considered: “in me and with me”, “in me and at me”, “in me – at me”, “me and me”, “out of me – at me”, “out of me – from me”, “out of me – because of me”.

Keywords: I; a prototype I; imaginary I; valid I; subjectless activity; a sign; mediation; existence.

Существует ли «Я» наяву?

Говоря о «Я», обычно представляют себе кого-то, кто является, в конечном счете, источником целенаправленных действий, получателем (сборщиком, обладателем) образов мира, средоточием переживаний (рис. 1). Можно, конечно, объединить эти образы «Я» в один, однако не станем усложнять ситуацию – я думаю, она и так не покажется читателю слишком простой!

Способ осмыслить-визуализировать «Я»

Еще один способ осмыслить-визуализировать «Я»: «Кубик Неккера» (рис. 2). Если считать, что «Я» – это воспринимающий, полагающий, переживающий себя

¹ Статья подготовлена в рамках франко-российского проекта «Проблема “Я”: традиции и современность», поддержанного Центром фундаментальных исследований Национального исследовательского университета. Высшая школа экономики (Москва) (Программа 2011 г., ТЗ № 50.0).

индивидуум, то перед нами рисунок, выражающий идею единства созерцания и созерцаемого, целеполагания и целевопощения, переживаемого и переживаемого. Разные грани кубика меняются местами: символ инверсии субъективных и объективных аспектов «Я».

Чередования
«созерцания»
и «созерцаемого»

Но картина, как это очевидно, сложнее. Ведь это чередования «созерцания» и «созерцаемого», «полагания» и «воплощения», «переживания» и «переживаемого» погружается в глубины индивидуума, я бы сказал, фрактально и фатально воспроизводятся бесконечно. «Я» не просто действует вовне, но и полагает себя

действующим, не просто воспринимает что-то и переживает себя, но воспринимает себя воспринимающим, переживает себя переживающим и т.д. И тогда рождается картина четырехмерного «Я» (рис. 3), пятимерного и т.д. и т.п. Вот это «и так далее» означает бесконечность углубления в себя; оно и составляет принципиальную трудность... Кубик Неккера превращается в кубик Рубика, который нам совершенно невозможно представить.

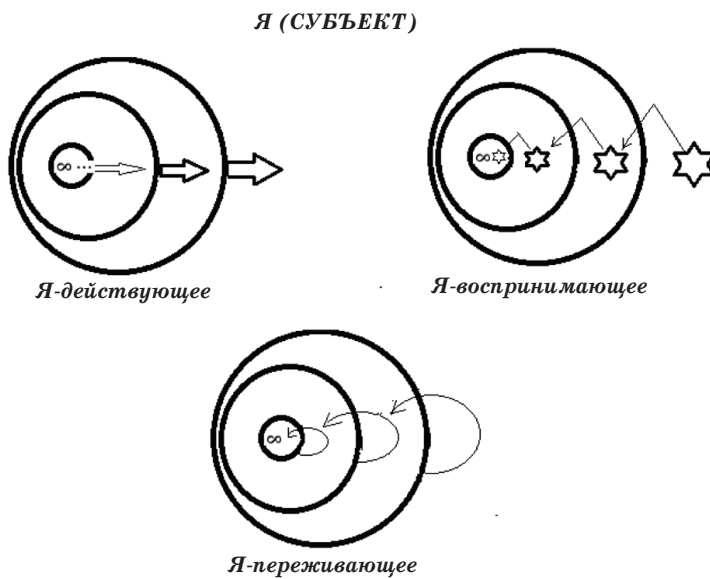

Рис.1. Феноменология «Я». Варианты видения; иногда эти картинки объединяются

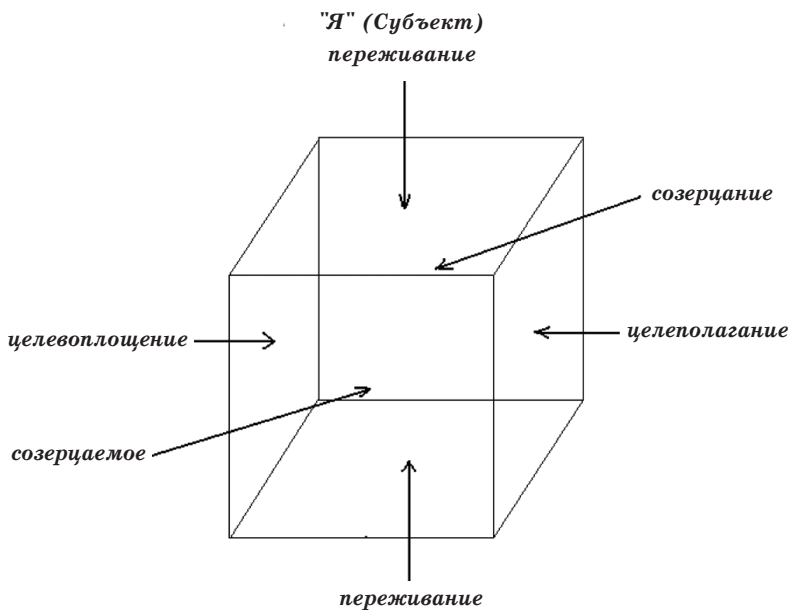

Рис. 2. Живой знак «Я»

... и т.д. и т.п. ...

Рис. 3.
Многомерное «Я»

Можно ли наглядно
представить «Я»

Есть и другие способы схематически представить «Я», «зарисовывая» его и комментируя рисунки. Чуть ниже мы представим еще один способ показать и описать «Я», руководствуясь семиотическими категориями.

Но центральный для нас вопрос состоит в следующем: существует ли наяву то, что мы пытаемся изобразить, поясняя словами рисунки? Иначе говоря, можно ли квалифицировать эти зарисовки и подстрочники к ним как знаки реального Я?

Или, быть может, лучше вообще не стремиться к наглядности? Смириться с тем фактом, что наш замысел как-либо наглядно представить «Я» утопичен в своей основе? Согласиться с тем, что «Я» принципиально невидимо, «невизуализируемо», даже с опорой на дополнительные ресурсы, открываемые возможностью вербального аккомпанеента (как, например, на рис. 3, под которым бессилие художника справиться с увеличением размерности куба и нахлобучиванием новых граней маскируется словами «и т.д. и т.п.»)? Или, может быть, «Я» *видимо* невидимо?

Напрашивается аналогия: нам показывают работу художника в стиле «ню»; мы ничего не видим перед собой; лишь подпись художника и название его картины: «Человек-невидимка. Автопортрет».

Не абсурд ли
пытаться
визуализировать
невидимку?

Рассуждая по аналогии, не абсурд ли пытаться визуализировать невидимку? Правда, на последнее замечание можно было бы и возразить (и мы бы это возражение приняли). Так, М. К. Мамардашвили и В. П. Зинченко однажды заметили, что, например, «зарисовывается» модель атома по Резерфорду, то это не просто иллюстрация к пониманию, но – само понимание, сама мысль, выраженная в знаке.

Существует ли
реально нечто,
именуемое «Я»?

Перед нами, однако, вопрос более общий: существует ли наяву нечто, именуемое «Я»? Если существует, то в этом случае можно было бы говорить о рисунке «с натуры». Если нет, то все эти рисунки-значки не являются *образами* «Я», а представляют собой фантастические построения, лишенные прототипов? Другими словами, есть ли что-то реальное, по ту сторону этих знаковых форм, что могло бы найти в них свое отражение? Существует ли у этих знаков денотат?

Я как источник
и средоточие
саморефлексии

Итак, существует ли «Я»² наяву, «объективно», то есть Я как источник и средоточие саморефлексии?

² В этом тексте используется ряд символов, выражающих сущность и различные аспекты существования объекта настоящего исследования: «Я» (исследуемый объект), «я» (личное место-

Иначе говоря, есть ли кто-то, о ком мы можем сказать: «Вот перед нами субъект познания, воли, переживаний?» Налицествует ли некий центр самопознания и самодействия (со свойственными ему центростремительными и центробежными процессами)? – «Некто», олицетворяющий единство субъективного и объективного? Существует ли «кто-то», берущий на себя право сказать: «Я есмь», «Мыслю, следовательно, существую»?

Обыденное сознание не задается подобными вопросами – уж слишком напрашивается ответ («да, существует»). *Философская* мысль, за которой вся картезианская традиция, не сомневается в существовании Я (самим сомнением поверяя его существование).

Фундамент
Наукоучения

Г. Фихте *начинает* с Я, видя в нем надежный фундамент своего Наукоучения. Вместе с феноменологией Э. Гуссерля в философии рождается, мы бы сказали, дискурс сомнения в существовании Я. Впрочем, сам Э. Гуссерль не озадачивает себя решением задачи «быть или не быть» субъекту; вопрос о существовании Я не только «по сю», но и «по ту сторону» мира феноменов, в качестве его, отсекается в результате феноменологической редукции. Философ писал: «Вместе с другими его я, конечно, теряю также весь строй социальности и культуры. Короче говоря, не только телесная природа, но весь конкретный окружающий меня жизненный мир есть для меня не сущий, но лишь феномен бытия» [1, с. 12]. «Его» здесь – «лишь притязание на бытие», или, как говорят россияне, – «не факт». Воздерживаясь от решающего суждения, Э. Гуссерль косвенно побуждает к исследованию природы Я *на границе миров* – феноменального и, мы бы сказали, номенального.

Я как бы
угадывается под
туникой имени

С этой точки зрения оказывается, что объект нашего внимания, Я, как бы угадываемый под туникой имени «я», есть *проблематически существующее* образование. Иначе говоря, оказывается, что, пытаясь разглядеть Я под покровами его собственного имени, мы открываем

имение, имярек), я (термин, обозначающий Я), Я (прообраз гипотетически сущего Я), Я – истинно сущее Я. Используем также, наряду с кавычками, индексы и словесную маркировку различных сторон исследуемого объекта. Что ж удивительного в том, что синтаксис философии Я не будет уступать по сложности символическому миру современной математики? Давно уже следовало бы, в духе высказывания «от нашего стола – вашему столу», подарить каждому «Я» мультисубъектной личности Никола Бурбаки (псевдоним коллективного автора разработок, посвященных основаниям математики) по личному символу.

для себя неочевидность утвердительного ответа на вопрос о его существовании «в миру». Более того, оказывается, что внеположное существование объекта под именем «я» весьма сомнительно. Выясняется даже, что оно едва ли возможно, если, конечно, придерживаться привычных взглядов на этот, полнящийся парадоксами, неопознанный в своем существовании «объект».

Я как функция сознания

Наш тезис состоит в том, что Я, в его обычном понимании, не существует. «Я», – говорим мы, – есть фикция сознания, подобная миражу, открывающемуся скитальцу в пустыне; нужно приблизиться, чтобы выяснилось истинное положение дел».

И оно, увы, неутешительно! Видимый путником оазис – это обман, иллюзия, отнюдь не реальность.

Лишь убедившись в этом, мы можем поставить второй вопрос: существует ли возможность *реабилитировать* Я как нечто, существующее наяву, как реальность, имеющую право быть, а не мниться?

Мы рассмотрим проблему с трех точек зрения: логико-феномено-логической, логико-психологической, обще-персонологической.

Логико-феноменологический аспект проблемы

Теперь вернемся к тому, с чего мы начали эту статью, «рисуя» «Я» в разных ракурсах и пространственных формах (рис. 1–3). В этом контексте мы призваны подробнее рассмотреть бытийный потенциал Я, чтобы ответить на вопрос о формах присутствия Я в мире. Модели, означаемые Я, несмотря на проблематичность ответа о реальности их «денотатов», конечно, присутствуют в языке повседневного общения, фольклоре, литературных произведениях, искусстве, науке, философских сочинениях, религиозных трактатах (как часть языка, символические модели также имеют свои *имена*, к которым мы будем последовательно обращаться). То общее, что характеризует их, может быть описано в терминах самопричинности некоего сущего, выражаемого словами: «Я есть причина себя (*causa sui*)». В терминах философии Г. Гегеля, самопричинность есть бытие нечто как «свободной причины», понимание которой подразумевает возвращение причины «к себе» через полагаемое ею следствие, превращение ее, таким образом, вследствие себя как причины (как если бы змея, кусая свой хвост, придавала себе импульс к действию).

Самость как глубинная основа Я

Можно принять (и мы это допускаем сейчас) в качестве одной из возможных форм самопричинности *саморефлексию* индивида, отраженность в нем самом имеющих у него состояний, генерируемых им процессов и порождаемых его активностью результатов. При таком

взгляде глубинная основа Я – назовем ее *самостью* – есть самотождественность индивида, выступающая в трех ипостасях: *переживание* тождественности (чувство непрерывности бытия как сторона «длительности»³), *полагание* тождественности (здесь не только то, о чем говорят – «само-сохранение», но и то, что имеют в виду, говоря «индивидуальность отстаивают» – А. Г. Асмолов [2], *усмотрение* тождественности объекта по имени «я» (повторяющиеся, идущие вслед друг другу символы бытия индивида, и среди них представление о теле, «физическом Я», которое произносит «я» и относит к себе это имя).

Самость
и отождествление
с субъектом

Именно в этом пункте напоминает нам о себе «дурная бесконечность», ведь тут мы, характеризуя *самость*, обращаемся к *объекту* имени «я», а он, в свою очередь, отождествляется с *субъектом*, окликающим его (объект) по имени; это отождествление подразумевает существование *носителя* самости (как части Я); уже знакомая нам логика развертки семиотического определения значения имени «я» (в данном случае – *самости*), требует от нас невозможного: отождествить «самость» индивида с рефлексирующим ее индивидом, что представляется возможным лишь тогда, когда в поле обзора появляется носитель этого отождествления (*проблематически* соответствующий самости) и т.д. и т.п. до бесконечности. Узнает ли самость себя в лицо в носителе самости? Нам трудно удостовериться в том, что «мы – это мы», в зеркальце заднего вида⁴.

Та же трудность обнаруживается нами тогда, когда мы переходим к анализу гипотетических способов существования Я в мире, «моделей» понимания Я в культуре. Таких моделей – несколько (мы пока не ставим вопрос о «моделируемом» – о предсуществующих объектах этих моделей, «оригиналах», существующих наяву). Это, в частности, определяемые трех-ипостас-

³ Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше «я» просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали; для этого оно не должно всецело погружаться в испытываемое ощущение или идею, ибо тогда оно перестало бы длиться. Но оно также не должно забывать предшествовавших состояний: достаточно, чтобы, вспоминая эти состояния, оно не помещало их рядом с наличным состоянием, наподобие точек в пространстве, но организовывало бы их так, как бывает тогда, когда мы вспоминаем ноты какой-нибудь мелодии, как бы слившиеся вместе [3, с. 93].

⁴ Возможно, именно это обстоятельство – в основе сомнения в непосредственном тождестве субъекта и объекта самопознания (см. недавно защищенную диссертацию Т. Н. Рябушкиной [5]).

Я сродни экзистенции	<p>ной природой «самости» – «Я-познающее», «Я-действующее», «Я-переживающее».</p> <p>С этой точки зрения Я сродни «экзистенции» в трактовке М. Хайдеггера [4]. Напомню: «Я» – это само себя и себе открывающееся бытие (именно так, при всей сложности этой конструкции, можно было бы выразить суть «Dasein», «здесь-бытия», «экзистенции»). О «здесь-бытии» можно сказать, что вместе с его бытием и через его бытие само бытие раскрыто для него самого. Dasein есть такое здесь-присутствие, через которое «говорит» само бытие. Как видим, тут нет посредников, нет чего-либо или кого-либо, что служило бы цели раскрытия. Бытие в экзистенции раскрывает себя непосредственно, как бы соединяясь с самим собой, оно есть и причина себя и следствие себя самого. «Я», как культурный знак, заключает в себе именно этот смысл – непосредственного самообнаружения, самоустановления, самоохвата (или – «захвата»). Внешние объекты при этом могут втягиваться в орбиту «заботы» (термин М. Хайдеггера), раскрывающего себя бытия, но, в конечном счете, экзистенция озабочена самой собой: реализуя «заботу», она преодолевает тревогу «не быть».</p> <p>Наряду с общим ядром могут быть указаны также различия между ипостасями Я. Рассмотрим их конспективно.</p>
Я-познающее	<p>«Я-познающее» перенимает форму объекта, существующего по ту сторону экзистенции, и размещает ее в материале, живущим по сю ее сторону; формирует, как говорят, <i>субъективный образ</i> объекта, сводит единство формы объекта и новой «материи» его бытия.</p>
Я-действующее	<p>«Я-действующее» ставит цель; само порождение цели (целеобразование) – всецело в пространстве Я; оно совершается в экзистенции и завершается на границе Я и не Я; но Я-действующее на этом как бы не останавливается, оно получает свое продолжение за границами экзистенции, воплощает себя вовне, в действиях и вещах, перенимающих форму цели (в этом случае говорят о воплощении устремлений, мы могли бы предложить слово «целевоплощение», в пару к «целеобразованию»). Целеобразование и целевоплощение в целом образуют то, что принято считать <i>целеположением</i>, которое производится Я.</p>
Я-переживающее	<p>«Я-переживающее» коренится в бытии индивида, в живом потоке его бытия, но являет собой нечто большее, чем его жизнь, большее, чем его активность, большее, чем связь того и другого. Подобно демону Максвелла, «Я-переживающее» перехватывает «теплые молекулы» жизни, элементы «психофизического бытия» инди-</p>

вида, пропуская их в круг экзистенции, но в отличие от этого высколенного мифического, лишь открывающего и закрывающего дверцы, существа, оно не ограничивает себя функцией швейцара на входе и выходе. «Я-переживающее» расширяет территорию «Я», оно не только «открывает» себя опыту, но и прикраивает себе новый опыт, – переступает черту. Наши исследования показывают притягательность черты, ограничивающей возможный опыт, для «перешагивания» [6]. У М. Хайдеггера есть замечательное слово (я часто приводил его в своих работах) – «высваивать». Переживающее Я *высваивает* бытие, преднаходя его так, как если бы оно изначально принадлежало экзистенции. Но такова только одна из сторон работы переживающего Я.

Переживание переживания

Другая сторона (или «функция») – переживание того, что однажды уже пережито: «переживание переживания». Основатель эст-тренинга Вернер Эрхард говорит о *пере-переживании*. Таким образом, перед нами сочетание двух функций переживания: *первичное* переживание, относящееся к бытию, до сих пор не включенному в круг экзистенции («человек вдруг почувствовал то, что ранее не было открыто ему в переживаниях»), и – *вторичное* переживание, соотносимое с тем, что уже пережито, например, страх страха, или радость, переживаемая как восторг.

Заметим, что «переживание» заключает в себе важный смысл приобщения к целому (и за этот счет расширения, возвышения, углубления целого). Это значит, что переживание, в отличие от ощущения, не фрагментарно, не точечно. Оно обнимает, как бы прижимает к себе, весь объем доступного ему бытия, смешивает свое тепло с его собственным, доводит бытие до состояния экзистенции. Возможна и другая метафора – с гедонистическим уклоном. Экзистенция как бы пытается «распробовать» бытие, ощутить его вкус, чтобы сказать, испытав: «Мне это пришлось по вкусу» («Это – мое»), или, едва попробовав, тут же и отвернуться («Это – совсем не мое!»). Добавим, что «проба» в любом случае не остается «непереживаемой» – в процессе опробования рождается новое переживание (например, «приятное-неприятное»). Мы еще вернемся к этому пункту чуть позже (впрочем, мы вернемся не к «пункту», – не к «точке», а – многоточию...).

Я как знак, функционирующий в культуре

Во всех рассмотренных случаях «Я», как и было сказано прежде, это *знак*, функционирующий в культуре. Подобно другим знакам, он может быть соотнесен с объектами, либо существующими, либо не существующими

щими за его собственными пределами. В том случае, когда мы находим, что *означаемое* знака соответствует объекту, *предсуществующему* данному означаемому (то есть имеет свой реальный прототип вовне), мы говорим о *гипостазе* знака, а процесс объективации означаемого называем *гипостазированием*. Обыденное сознание с легкостью необыкновенной наделяет знак Я, его означаемое, коррелятом вовне, будто бы знак – лишь отражение того, что существует «и так» – наяву.

Однако, как мы пытаемся показать здесь, на пути к столь привычному замещению знака Я его гипостазой (как если бы изначально, до этого знака, в мире существовало что-то способное воспринимать-действовать-переживать), вырастают стражи логического порядка, контролирующие возможность самого перехода из области фантазии в область реальности. Они как бы расставляют для нас предупредительные знаки: «Дальше – нельзя! Дорога ведет в никуда... В бесконечность... Дурную!» Логическая «черная дыра» (так говорят о ней!) засасывает все и вся.

Не стоит обманывать себя, полагая, будто бы там, в глубине индивида, есть особый, потаенный субъект. Считая так, мы получаем, как минимум, три варианта дурной бесконечности (в виде унылой колонны «гомункулусов», смотрящих в затылок «вперед смотрящему» – эфемерность «гносеологического субъекта», «субъекта познания»; тонущих в своей экзистенции поглотителей чувств – эфемерность «претерпевающего субъекта», «субъекта переживаний»; продвигающихся всегда «вперед, но пятясь» подготовителей и устроителей действия – эфемерность «целеполагающего субъекта», «субъекта воли»).

Как видим, условием существования Я (в трех обозначенных его ипостасях) является нечто, чего нет как безусловно сущего. Верхние этажи небоскреба опираются на нижние, мы спускаемся ниже и ниже, фундамент отсутствует. Перед нами логическая дилемма: либо признать Я существующим наяву (реально сущее), однако не имеющим под собой прочной опоры (безусловно сущего), либо признать, что Я, если и существует, то в мире *условно-сущего*, то есть там, где «живут» значения знаков, созданных воображением человека или, скорее, воображением всего человечества в целом. В последнем случае, в терминах семиотики Морриса, – это знаки, не имеющие денотата. И уж тем более, добавим мы, – знаки, не подразумевающие существование *ноумена* (общей основы реально существующих объектов, к которым отсылает знак) [7].

Условием
существования Я
является нечто

Свидетельство
несуществования Я
как реально сущего

В разрешении этой логической дилеммы мы – на стороне второй отмеченной нами возможности. Дурная бесконечность, регресс к бесосновности Я, есть для нас свидетельство *несуществования Я* как реально сущего. Перед нами знак и не более, чем знак «Я». Если же ошибочно его условное бытие в мире культуры принимается нами за реальное бытие, то есть смысл говорить о *мнимости Я* (ведь в этом случае мы попросту *мним* его существующим, а не мыслим).

Предсуществующие
объекты

Тот факт, что перед нами именно знаки, а не реально существующие, точнее *предсуществующие* объекты, когда мы говорим о Я, подтверждается тем, что в культуре существуют некие обереги от призраков – специальные знаковые средства «преодоления» дурной бесконечности (обратим внимание на кавычки!). Например, в повседневной речи встречается словосочетание «и так далее, до бесконечности». Что это значит? Перед нами выраженное словами *означающее* недостижимого *означаемого*, символ незавершимости процесса. К *реальности* мы не можем приделать уходящий в бесконечное далеко символический «хвост». Слова «и так далее», которые сами являются знаками, мы можем присоединить к словесным *знакам* и только. Так обстоит дело и с другими знаками-номинациями бесконечности.

Смутные образы-
переживания
являют смысл
бесконечности

Примечательно, что означаемое приобретает здесь свой смысл *через* означающее (*имя*). Ну, в самом деле: что значит – «незавершимое»? Для нас это означает, что мы говорим о чем-то: «И так далее, до бесконечности». Само *говорение* (*произнесение этих слов*), а также, иногда, *смутные образы-переживания, сопровождающие* произносимые слова, *являют для нас* смысл бесконечности; ее не существует для нас каким-либо иным образом (есть только *знаковое* ее бытие). В формальных языках есть уловки-значки (уловители бесконечности), например:

$$\lim_{n \rightarrow \infty} x_n$$

(латинской аббревиатуры «*lim*», знака переменной «*n*», стрелочки « $\rightarrow$ », значка бесконечности « ∞ », расположения первого знака над тремя расположенными слева направо другими элементами символа, сочетание элементов «*x*» и чуть ниже «*n*», расположенных справа по центру). Человеку, знакомому с этими символами, вполне достаточно взглянуть на них, чтобы вызвать в сознании нечто, *переживаемое* как зыблущееся, теряющее отчетливость, разве что только «походящее» на бесконечность (зримый проход, или переход к бесконечности субъективно обрывается на третьем-пятом «ходу»), а

«охват» бесконечности, за небольшим, нередуцируемым, остатком, сводится к только что нарисованной в центре страницы композиции из значков «*lim*», «*n*», « $\rightarrow$ », « ∞ », « x_n »⁵.

Необъективируемый
смысл
бесконечности

Психологически самым интересным и принципиально важным для всего дальнейшего является тот самый «нередуцируемый остаток», необъективируемый смысл бесконечности, живущий в переживаниях индивида. Может быть, размытость образа, тот факт, что он как бы на наших глазах тает, его все еще продолжающееся исчезновение переживается нами как «модель» бесконечности, «мини-вечность»? Или, может быть, «чувство порождающей активности», о которой пишет В. П. Зинченко [8, с. 103], дает нам переживание бесконечности, притом – бесконечности истинной, а не «дурной»? Ведь в чем различие между ними – на уровне переживаний? Если речь заходит об истинной, актуальной бесконечности, в философии именуемой *трансфинитностью*, то ее суть – в двойном отрицании: *отрицается само отрицание*, бытие нечто выступает как *отграниченное от ограничений*, – как неограниченное (безграничное, подлинно бесконечное) бытие. Чувство порождающей активности таково, что человек пребывает на старте процесса...

Активность
ощущает себя
в плоти слова

Активность пока еще не ограничена ничем, даже целью. Она (активность) ощущает себя, свое присутствие в плоти слова, ощущает и плоть его – в альпинистской связке элементов «и так далее»: это «*и*» (союз, связь) – «*так*» (определенность, прочность) – «*даль*» (простор без границ) – «э-й-э» (эхо)...; она, как в лодочке, во внутренней форме слова; она раскачивает эту лодочку, ощущая свою свободу, неограниченность в своих первых движениях – не бесконечность вообще, а бесконечность *собственную*, то есть бесконечность, как мог бы сказать Б. Спиноза, «в своем роде»; такая вот бесконечность

⁵ Мне помнится, как музыкальный критик А. С. Агамиров на вопрос ведущего радиопередачу, что он, «человек музыки», видит перед собой, слушая музыку (какие зрительные образы перед ними возникают: может быть, волны морские, может, что-то еще), коротко ответил: «Ноты». Потенция прав: слово око мы перестали видеть в слове *окно*. «Внутренняя форма слова» (в понимании Потенции – здесь мы не касаемся богатой открытиями дискуссии на оси Шпет – Потенция), первоначально, возможно, подсказывающая смысл слова, со временем сходит на нет. Так и многие образы, в том числе смутные образы бесконечности, перестают играть роль поддержки или подсказки к осмыслению слова; в конечном счете, математик видит перед собой запись «бесконечности», «бесконечно малых», «предела», то есть видит «ноты» – правда, математические.

наполнена тем, что пребывает по сю сторону отрицаемой границы (так, экзистенциалисты, решившие однажды, «что Бога нет», стали заполнять образовавшийся экзистенциальный вакуум разговорами о несуществовании Бога, тем самым возвращая себе чувство присутствия бесконечного существа в душе своей).

Пределы Я и выход
за границы значения
этого знака

Однако здесь мы выходим за очерченные (рефлексируемые культурой) пределы слова «Я», за границы значения этого знака, закрепленного в текстах культуры; теперь мы уже – на суверенной территории индивида, его психики: в первичном (бытийном) слое ее, то есть там, где обитают *переживания* (первое определение психики, по С. Л. Рубинштейну), или – что то же самое – там, где уже соткана психикой, но еще не скроена и не сшита портным на заказ, *чувственная ткань сознания* индивида (первая «образующая» сознания, по А. Н. Леонтьеву).

Только людям, по инерции верящим, что *все в психике* есть отражение того, что находится по ту сторону психики, «в окружающем мире», может представиться (надеюсь, только на миг!), будто переживания или чувственная ткань сознания, суть означающие чего-то внешнего, объективно-сущего, то есть *предсуществующего* означаемого (между тем, ни С. Л. Рубинштейн, ни А. Н. Леонтьев, конечно, не думали ничего подобного, хотя Рубинштейн писал о соотносительности переживаний с чем-то внешним, а Леонтьев выделял функции чувственной ткани в построении образа мира). Нелишне подчеркнуть противоположный тезис (даже если он покажется кому-нибудь очевидным!): «переживание» есть чувственное сопровождение (но отнюдь не отражение, скорее уж наполнение) жизни, субъективно-психическая сторона проживания индивидом тех или иных жизненных ситуаций; точно также и «чувственная ткань сознания» – субъективно-психическая сторона физических процессов, протекающих в организме, внутренняя ипостась «живого движения» индивида, биодинамики его тела, но ни в коей мере не отражение *физики* этих процессов. Вынесение вовне, объективация, гипостазирование переживаний, *как таковых*, «чувствований» (И. М. Сеченов), наделение их статусом самостоятельно сущего (а потом, возможно, и «отражаемого») – абсурд, проявление инерции мысли, воспитанной в духе известной моим коллегам с университетских времен ленинской теории отражения⁶.

⁶ Я заострю эту мысль, предлагая некий перевертыш традиционной «теории отражения», что доминировала в течение многих десятков лет в умах подневольных философов и психологов

Наше Я существует
в семиотическом
пространстве

Когда В. В. Маяковский писал: «Перья облака, закат расканарейте!...», он, естественно, не имел в виду канарейку, которая во плоти своей пролетала бы где-нибудь там-нибудь... «Канарейка» существует в условном, знаковом, мире, в семиотическом пространстве метафоры. Точно так же и наше «Я» существует в семиотическом пространстве условно-сущего: в терминах Э. Гуссерля мы бы сказали – в пространстве ноэсиса (но не в пространстве ноэм).

Нам важно преодолеть естественную для нас манеру канареечно «отлетать» от рассматриваемого сущего и, видя его как бы «со стороны», примысливать к сущему еще и «видящего», как если бы это была реальная вещь, наподобие канарейки. Как само по себе рассматриваемое «сущее», так и тот, «кто рассматривает», суть знаковые образования. Но в одном случае (рассматриваемое сущее) трансцендентная ему «вещь» существует, а в другом случае («тот, кто рассматривает») – такого нет. К примеру, прямо сейчас (пусть это будет иллюстрацией к сказанному), говоря «мы имеем дело», должно иметь в виду, что «мы» – это мнимость, условно-знаковое построение⁷.

советской закалки, обсуждающих вопрос о соотношении «внутреннего» и «внешнего», «психического» и «физического», «души» и «тела», «субъективного» и «объективного». Итак, быть может – позволим себе посочинительствовать! – душа заявляет о себе там и тогда, где и когда нечто отсутствует? Не «отражает», а восполняет, то чего нет? По аналогии с тем, как нам все-таки удается видеть нечто невидимое на месте слепого пятна. Словом, вместо ответа, как вам, читатель, такой «вопрос на вопрос»:

ЗАЧЕМ – ДУША?

*Душа – и Ваша и моя –
латает дыры бытия...
Смеетесь вы: «Ума палата!...»
Но даже если «Номер Шесть»,
когда в пространстве дыры есть,
душа – отменная заплатка
(портняжке-мне хвала и честь),
а «сотня талеров» –
зарплата:
что есть в кармане, что не есть.*

(Читатель, конечно, помнит кое-что из А. П. Чехова, прозорливо описывающего обстановку в *наши дни*, но известный пассаж гениального философа я все-таки напомним – уж больно хорош, особенно в наше время; И. Кант говорил о том, что сто действительных талеров не содержат в себе ни на йоту больше, чем сто возможных талеров.)

⁷ Наряду с понятием о «феноменологической редукции» (Гуссерль) есть смысл определить понятие «элиминация редуцирующего» (то есть того, кто «видит»). В то время, как одним из смыслов термина «редукция» (от лат. *reductio*) является «отодви-

Трансфинитность Я

Трансфинитность «Я» есть особое переживание, чувственная ткань порождающей активности. Я – не зеркальная комната, с неисчислимым количеством «зазеркалий», не родник, бьющий из бесконечных глубин, и не солнечный зайчик, который всегда поверх ловящей его руки. Все это – в своем исходном определении – фантом рефлексии, приписывающей Я статус реальности.

Логика Я
и феноменология Я

Но можно ли, положив руку на сердце, согласиться с подобной – уничижительной – оценкой онтологического статуса Я? Можно ли смириться с тем, что логика «Я» наотрез отказывается ратифицировать договор с феноменологией «Я» (логика настаивает, что Я – мнимость, а феноменология свидетельствует: Я есть)? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Логико-психологический
аспект проблемы

Имея дело с феноменом чувственной презентации знака «Я», его запечатленностью в психике, мы будем говорить о прообразах Я – источниках становления Я-действительного в противоположность Я-мнимому. Прообразы Я – сами по себе – не являются Я. В противном случае, как мы уже говорили, мы имели бы дело с дурной бесконечностью – бесконечной отсрочкой ответа на вопрос о том, как мыслить безусловную основу Я (фундамент его бытия-наяву)⁸.

Но что представляют собой прообразы Я в психике? Мы назовем их, не детализируя каждый. Таковы: переживания, присущие индивиду («чувственная ткань сознания»); представления («рисунки») в «материи» переживаний («рисунки, вытканые на чувственной ткани»); названия-имена («мне», «мною», «во мне», «для меня» и т.д.). Вся эта композиция в целом никем не воспринимается, никем не переживается, не исхо-

---

вание назад», в случае элиминации редуцирующего речь могла бы идти о том, чтобы удерживаться – не отстраняясь – в границах данного, и удерживать себя – устранившись – от того, чтобы быть тем, «для кого» это есть.

⁸ Мы не рассматриваем в этой статье семиотические аспекты Я как познающего, действующего, переживающего существа; но и в расширенном контексте анализа призрак «дурной бесконечности», как можно было бы показать, сопровождал бы ищущего позитивный ответ на вопрос о бытии в мире обладателя имени «я». Не обращаемся также к конструкту «Другого» как гаранта преодоления дурной бесконечности углубляющегося в топи себя «наблюдателя». Отмечу только, что решение этой проблемы требует иного формата поиска; мы не найдем ответ в парадигме «Я – это Я» (какие бы формы не принимали при этом логические субъект и предикат данного суждения, кажущегося тавтологичным). Нам надлежит предпринять поиск в сфере «Ты – это Ты» («То, что ты мнишь собою, это, действительно, ты»).

Никто не видит субъективного содержания психики

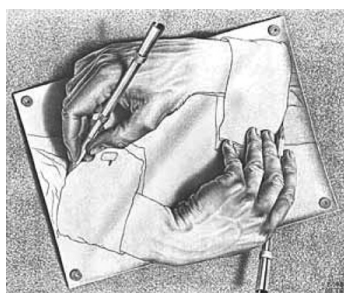

Рис. 4. М. Эшер.
«Рисующие себя руки»

Демистификация и остранение

Методологический мораторий на использование субъектных конструкций

дит «ни из кого»; имя этой композиции – «я» (и это имя – также часть композиции, один из ее элементов – не более чем элемент!).

Могут спросить: «А кто, все-таки, видит субъективные содержания-творения психики?» – И я отвечаю: «Никто» [9, с. 515].

...Никто! Картинная галерея пуста. В ней зрителей нет. Нет и художника. Его автопортрет, впрочем, присутствует. Но это такая же точно картина, одна из тех, что находится в зале. И таких автопортретов может быть много. На одном из них – художник, рисующий себя (можно добавить – рисующий себя рисующим себя, как на картинке Морица Эшера (рис. 4) и т.д.).

На другом – тот же художник, изображающий мир, окружающий его. Есть портреты других людей... Но никто никого не видит... Звучит голос, называющий имена, вещи... Например: «Я вижу эти картины», «Я знаю этих людей», «Я узнаю эти предметы». Но никакого «видения» этих картин в галерее нет, как нет и никакого «знания» или «узнавания» чего-то кем-то «внутри». Просто на одной из картин – мольберт, кисточка, зеркало, и «видящий», «рисующий» себя, художник, да подпись еще: «Автопортрет». Безумцы, дети и некоторые собратья-философы могут поверить в то, что все это происходит в действительности: это – художник, он – держит кисть или карандаш, видит себя в зеркале, считает, что видит себя, подписывает картину и т.п.

Могут сказать: «Деперсонификация! Клиника утра- ты “Я”!» Нисколько! Скорее, демистификация. Остранение. «Деконструкция» привычных слов, привычных высказываний, типа: «Я вижу что-то», «Мне явлено нечто». Картинки, конечно, есть... Нет, не точно... Слово «картинка» предполагает «зрителя». Как, впрочем, и слово «образ» (образы, говорим мы, нам «даны»). Увы, мы не можем вырваться за пределы слов, искажающих суть. Примысливаем (приговариваем) «Я-созерцающее» автоматически. Нам нужно научиться преодолевать автоматизм слов «вижу – не вижу», придерживаясь просто «есть» или «нет». К примеру, высказывание: «Я видел сон» означает: «был сон», «было слово “я”», «были телесные и визуальные переживания, именуемые “я”, была цепочка элементов “я... видел... сон”»; но привычное значение всего этого – фикция (рис. 5).

Необходимо, по-видимому, объявить методологический мораторий на использование «субъектных конструкций», столь типичное для многих философских и

психологических сочинений, будь то использование этих конструкций в открытой и скрытой форме. Обязательна отсрочка, а не уничтожение возможности говорить «кто-то» вместо «что-то», «некто» вместо «нечто», «индивид сделал (почувствовал, сказал, подумал) вместо «индивид – источник чувствований, говорения, думания». В языкознании выделяется особая часть речи: «состояние».

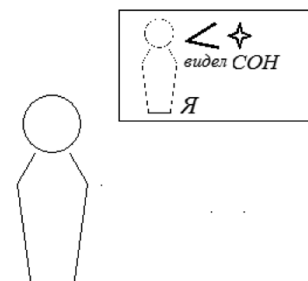
Категория
«состояние»

Имеется в виду, например, «качественное состояние лица или предмета в определенный момент времени в настоящем, прошедшем, будущем: *жаль, стыдно, совестно, можно, нужно, нельзя* – безлично-предикативные слова, выражающие состояния. «Эта часть речи еще не до конца изучена», – отмечают лингвисты. Существует много разногласий относительно того, относить ли ее к самостоя-

тельным частям речи, какие лексемы входят в ее состав, какие они выполняют функции» [10]. Выскажу отнюдь не бесспорную мысль (но я все-таки рискну ее высказать!), что разработку феноменологии «Я» (точнее *Логики Я*), в лингвистическом плане, можно представить себе как путь замещения категории состояния, занимающей «промежуточное», по словам лингвистов, положение «между именами и глаголами», производящей их основой. Думается, если бы были на свете языки, основу которых образует категория «состояния», логических парадоксов, связанных с «Я», не осталось бы. Впрочем, и категории «Я», в этом случае, возможно, не было бы.

Категории
«субъект»,
«субъективность»,
«Я»

...Но не упраздняется ли при таком подходе идея субъектности человека? Нет! Наоборот, она только выигрывает при этом. Я думаю, мы ни на шаг не продвинемся вперед в постижении активности, если позволим себе утвердиться в мысли о том, что «субъект», «субъектность», «Я» суть эпифеномены, призраки сил, регулирующих поведение и сознание. В действительности, схема субъекта («причины себя»), прообразы Я и т.п. – как культурные знаки активного индивида – образуют узоры ментальности, конфигурируют своим присутствием феноменальное поле, соучаствуют в гештальтах, направляющих поведение.

Рис. 5. «Я видел сон»
= цепочка элементов:
«Я» * «видел» * «сон».
Ничего кроме этого
в высказывании
«я видел сон» – нет

Идея свободы
сделала людей
свободными

Подлинное Я есть
результат синтеза
природной
активности
и оттиска культуры

Вернемся, однако, к оставленной на время схеме Я.

Г. Гегель говорил, что идея свободы сделала людей свободными. Точно также и схема Я (прообраз Я, присутствующий в психике), приобретая статус *идеи*, превращает индивидов в *субъектов* своих деяний. Мы начинаем чувствовать, что есть какой-то источник, родник наших побуждений и мыслей. Хотя сами по себе прообразы Я не являются (подчеркнем эту мысль повторно) каким-либо *непосредственным* «источником» или «родником» активности, они *приобретают* особое качество «быть действительным Я», когда *опосредуют* органически присущую индивиду активность (целевые и нецелевые тенденции, импульсы, реактивные силы, ансамбли процессов, протекающих в теле и т.д. и т.п.).

Наш тезис состоит в том, что подлинное Я есть результат синтеза, сплава активности природного (бессубъектного) происхождения и схемы (формы), оттиска культуры в природном материале индивидуума. О таком действительном, подлинном Я мы говорим «субъект», различая в нем *форму* (Я = прообраз Я) и динамический *материал* (активность, энергия).

Метафорически (я подчеркиваю: *метафорически!*) активность индивида в процессах такого опосредования можно уподобить световому лучу, проходящему сквозь отверстия в перфокарте; конфигурация просветов на перфокарте аналогична узору прообраза Я (напомним, что сделанная из тонкого картона перфокарта, применявшаяся в компьютерах первого поколения, представляет информацию наличием или отсутствием отверстий в определенных позициях карты). Сказанное означает, что прообразы возможного Я конфигурируют проходящий сквозь них поток активности, и в этом случае прообраз Я превращается в Я-как таковое, становится формобразующей причиной поведения («формальной причиной», в терминах Аристотеля).

Перед нами, конечно, метафора, и не более, ибо здесь мы вступаем на территорию *психофизической проблемы*, категориальный анализ которой требует особого места и времени⁹. По поводу данной проблемы есть смысл припомнить слова, относящиеся к другой знаменитой проблеме – Большой теореме Ферма. Пьер Ферма оставил потомкам известную запись: «Я располагаю весьма поразительным доказательством, но оно слишком велико, чтобы его можно было разместить на полях».

⁹ Как правило, у философов и психологов не находится ни того, ни другого.

Проблемы
субъективного
и объективного

Обсуждение психофизической проблемы и наметки ее возможного решения требуют более широких полей, чем те, что справа и слева на этом листе [см. статьи 11; 12; 13]. Ограничусь лишь некоторыми соображениями.

Размышляя, как и многие из моих коллег, над проблемой «субъективного и объективного», «идеального и материального», «психического и физического», «души и тела», я, для памяти, срифмовал несколько строчек о психике:

*«Психика... Это ль не диво творения?
Вот доказательство в две строки:
Нет никого, кто видел бы зрение,
И осязал бы работу руки!..»*

В таком понимании *психика есть форма сосуществования и взаимоперехода объективного и субъективного* [11]. Являясь сверхчувственным образованием и при этом непосредственной основой чувственного («переживаний», «чувствований», «чувственной ткани сознания»), она представляет собой *композицию* физических явлений (возможно, волн), но сама по себе, по-видимому, к базовым категориям физической картины мира причислена быть не может (не является ни волной, ни корпускулой). Поэтому ни один физический прибор не может «зарегистрировать» присутствие психического элемента, хотя физические процессы, производящие его, могут быть записаны извне – ведь они способны распространяться с сохранением присущих им свойств (например, длина волны). «Красное» или «сладкое» не рождает какой-либо «красной» или «сладкой» волны, они не «распространяются», подобно волне (и уж точно, в отличие от вещества, не могут быть перемещены с одного места на другое).

Наши переживания,
ощущения
непередаваемы

Иначе говоря, наши переживания, ощущения, чувственная ткань, как таковые, *непередаваемы*. Они по физическим каналам не переносятся (например, сильная боль «непереносима» буквально). Вот почему ни «достать», ни «подсмотреть», ни «сфотографировать» психические содержания извне мы не можем; они существуют всегда в «единственном экземпляре», оставаясь там, где возникли, в связи с другими психическими содержаниями, среди которых и наше Я (рис. 6).

Объектные
и субъектные волны

В результате сочетания поступающей извне, «объектной», волны, и принимающей, «субъектной» волны, возможно, рождается нечто, не способное излучать или перемещаться. Не волна и не корпускула. То, что возникло, остается там, где возникло. Нечто «как бы физиче-

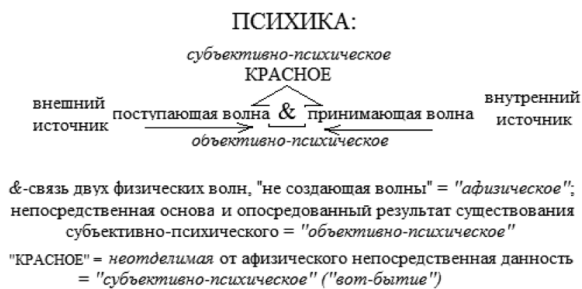

Рис. 6. Онтологическая модель психики

ское», но не физическое; форма, «наполненная» субъективно-психическим (чувственным) содержанием. Этот невидимый квазифизический узор «Я» конфигурирует активность. Поведение индивида, «психофизического целого», в отличие от поведения организмов как таковых, регулируется не нервными

импульсами и основанными на них электромагнитными волнами, а суперпозицией этих волн, порождающей переживания, которые, в свою очередь, придают смысл поведению [11; 13].

Но что представляет собой это «нетранспонируемое» образование? Идет ли речь, например, о наложении когерентных или некогерентных волн, стационарных или нестационарных интерференциях, или, может быть, о какой-то иной композиции физических явлений, автор не берет на себя смелость обсуждать эти вопросы, полагая, что они в компетенции физика, а не психолога или философа.

Конфигурирование активности со стороны психических структур

Вернусь к метафоре перфокарты. Речь идет о *конфигурировании* активности со стороны психических структур, несущих в себе прообразы Я. Если так, то мысленно мы могли бы проследить траекторию активности от индивида (или его частей) к объекту *сквозь* запечатленные в психике культурные знаки Я (и знаки окружения), а после – ответные средовые воздействия, «вызовы», порождающие новые витки активности.

Посмотрим на этот рисунок (7а).

Схема самоопосредования: «внутренняя активность индивида → динамика и посредничество со стороны прообраза Я → поведение → «ответы мира» → активность индивида → динамика и посредничество со стороны обновленного прообраза Я → поведение → ... и т.д.»).

Знаковая картина мира и следствие самой себя

Здесь видно, что знаковая картина мира – это не только посредник в ряду «активность – знак – мир», но и следствие самой себя как возвращающейся к себе причины; отразившись в объекте, превратившись, тем самым, в новый поток импульсов, активность как бы возвращается к себе, наводит новый порядок в знаковом психическом поле; рождаются новые знаки и, стало быть, новые посредники, конфигурирующие активность индивида.

Вот еще один рисунок – в развитие сказанного (рис. 7б):

Прообразы Я
детерминируют свое
собственное бытие

Мы видим теперь: прообразы Я детерминируют свое собственное бытие в качестве знаков (они превращаются в «причину себя», становятся гегелевской «свободной причиной»;

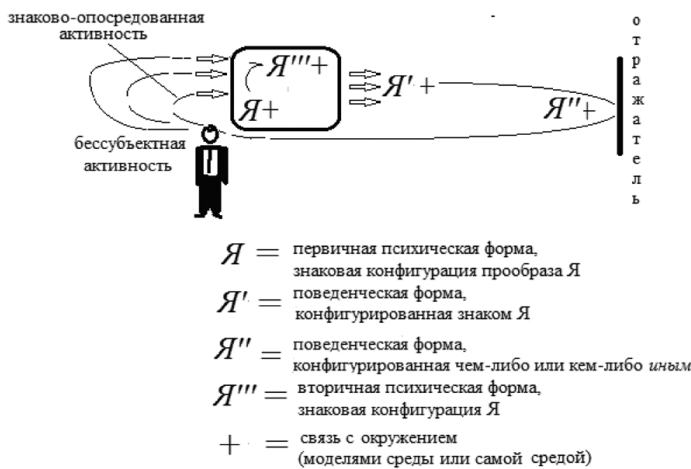

Рис. 7а. Динамика «Я» как причины себя

я бы сказал еще, что они входят в состав бергсоновской «длительности»).

Мы оставляем здесь без специального обсуждения (однако, отвечая на него отрицательно), вопрос о том, могут ли конфигурации психики сами по себе порождать динамические тенденции в психическом слое бытия («установки» Д. Н. Узнадзе, «инстинктивные влечения» З. Фрейда «локализованы»

именно в этом слое), например, присутствует ли здесь что-то наподобие гештальт-тенденций или «формообразующей тяги»¹⁰.

превращение уразумяемого значения имени «я» в подразумеваемое значение имени «я»

Рис. 7б. Феномен Я в становлении

Особо подчеркиваем – иное: психические формы, опосредующие проявления бессубъектной активности индивида, способны превращаться в *формообразующее начало*, они могут приобретать особую *функцию*: конфигурировать «живое движение», поток жизни, поток сознания¹¹.

¹⁰ «Поэму насквозь пронзает безостановочная, формообразующая тяга» (писал О.Мандельштам). Цит. по книге В. П. Зинченко [8, с. 105]. Было бы заманчиво представить «формообразующую тягу» как эффект непосредственного влияния формы на содержание (и даже, к примеру, «преодоления формой содержания»), но в этом вопросе я придерживаюсь иного мнения и занимаю сторону Г. Шпета, остро критикующего В. В. Зеньковского – философа, интерпретировавшего «психическую причинность» в терминах «сил».

¹¹ Дальнейшее исследование могло бы показать (в одной из наших работ мы наметили этот путь [14]), что аристотелевские «причины» суть стороны Я как *causa sui*: *говорение о себе (в форме внешней и внутренней речи)* – это «действующая причина», *переживание самотождественности* – «материальная причина», *образ себя* – «формальная причина», *самоинтенциональность* – «целевая причина». Заметим, что «говорение о себе» (физический «субстрат» мышления) мы представляем как физический процесс; другие же аспекты самопричинности – афизичны: *ни материальная, ни формальная, ни целевая причина* не заключают в себе «ни грана» вещества, «ни джоуля» энергии; в частности – подчеркнем это особо! – *образ себя* (формальная причина) спосо-

Траектория
активности
от индивида
к объекту сквозь
запечатленные
в психике
культурные знаки Я

Мысленно мы могли бы проследить траекторию активности *от* индивида (или его частей) *к* объекту *сквозь* запечатленные в психике культурные знаки Я (и знаки окружения), а после – ответные средовые воздействия, «вызовы», порождающие новые витки активности. Объекты-отражатели активности могут находиться при этом не только вне, но и внутри индивида, быть частью его тела и даже отдельными клетками его (под этим углом зрения есть смысл проанализировать межполушарные взаимодействия, рассмотреть функционирование «зеркальных нейронов» в условиях активного воображения *собственных* действий и т.п.). Заметим при этом, что активность, реализуемая индивидом, как бы проходя («процеживаясь») сквозь знаки, опосредуется ими, приобретая новые формы; но она и сама трансформирует знаки, вносит динамику в символическую картину мира, реорганизует знаковую среду, пронизываемую ею. Быть может, именно эта, вторичная, знаковая динамика и *переживается* как та самая «формообразующая тяга», о которой писал Мандельштам?

Моменты
самостановления Я

Перечислим теперь последствия событийных «встреч» названных моментов самостановления Я, а именно: а) «бессубъектной» активности индивида, б) прообразов его Я, в) поведения, конфигурированного ими, и г) порождаемых «ответами» извне новыми его акциями и реакциями. В этом (и только в этом) случае нам приоткрываются *субъектные* способы существования Я, а именно:

- истинный субъект *познания*, строящий образ мира (Я-созерцающее, -мыслящее, -ведающее, -обладающее);
- истинный субъект *воли* (Я-целесолагающее, -достигающее, -влияющее, -дарящее);
- истинный субъект *переживания* бытия, производящий чувство целостности и продолженности бытия индивида в мире (Я-испытывающее, -событийное, -трансцендирующее).

Субъективность Я
и его участие
в индивидуальной
жизни

Говоря о субъектности Я, понимаем, что предложенный список – лишь конспект, мы бы сказали – опережающий конспект – результатов предстоящих исследований в области логики и феноменологии «Я».

Особый предмет исследования – изучение того, как представление о «Я» (и в частности, о его существовании

бен непосредственно *конфигурировать* потоки энергии, но отнюдь не порождать их. Так, *форма* раскрытой ладони не способна сама себя взять за пальцы, *тень от руки* на стене – схватить руку.

Персонологический
аспект проблемы

или несуществовании в статусе субъекта) способно участвовать в процессах индивидуальной жизни, увеличивая, сужая, или, возможно, оставляя нетронутым число степеней свободы, «размерность» бытия человека в мире.

Рассмотрим, какие возможные метаморфозы претерпевает живой знак $\mathcal{A}$, впитывающий в себя телесную бессубъектную энергию и многократно конфигурирующий (опосредующий) течение активности индивидуума. Подобно тому, как живые существа, с момента своего зарождения, могут далее принимать различные формы, так и $\mathcal{A}$, нам думается, способно принимать различные формы, оно подвержено метаморфозам. Напомним, в этой связи, о чередовании, «возвращении» прообраза $\mathcal{A}$ к себе в результате бессубъектной активности, что может быть схематизировано:

$$\text{прообраз } \mathcal{A} \rightarrow \text{образ прообраза } \mathcal{A} = \mathcal{A},$$

или, при использовании значков $\mathcal{A}$ (прообраз $\mathcal{A}$) и $\mathcal{A}^*$ (образ прообраза $\mathcal{A}$), представлено в более простой форме:

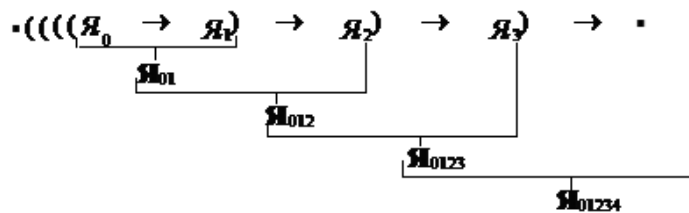
$$\mathcal{A} \rightarrow \mathcal{A}^*$$

Переживание равенства $\mathcal{A} = \mathcal{A}^*$ в динамике перехода $\mathcal{A} \rightarrow \mathcal{A}^*$ есть то, что образует реальное $\mathcal{A}$, «причину себя», фактически существующую. Изобразим это:

$$\frac{\mathcal{A} \rightarrow \mathcal{A}^*}{\mathcal{A}}$$

Последовательность
полагающих $\mathcal{A}$
витков активности

Формальное продолжение этой работы, при введении нижних индексов, отражающих последовательность полагающих (оживляющих) $\mathcal{A}$ витков активности, рождает систему:

В этой системе под каждым выражением в круглых скобках, начиная с базового ($\mathcal{A}_0 \rightarrow \mathcal{A}_1$), определен новый элемент, представляющий собой обобщение элементов, расположенных над ним и связанных между собой стрелкой перехода от означающего к означаемому знака $\mathcal{A}$ (так, в начальном звене, имеем элемент $\mathcal{A}_{01}$). Что представляют собой, содержательно, элементы $\mathcal{A}_{012...k}$ (будем называть их в дальнейшем *элементами самоидентичности*)? Каждый из них символизирует переживание

«*Я*» есть *Я*», выражающее равенство означающего и означаемого в составе знака $Я^{12}$.

Представленная формальная запись может быть психологически осмыслена по-разному. Одна из таких возможностей рождает представление о *Я*-как таковом, *Я*-экзистенциальном, *Я*-наличном и может быть описана в терминах «бессознательное», «предсознательное», «сознательное».

Первый виток активности $Я_0 \rightarrow Я_1$

С этой точки зрения, на первом витке активности ($Я_0 \rightarrow Я_1$) мы имеем дело с переживанием равенства элементов слева и справа от стрелки (прообраза и образа прообраза *Я*), что символизирует элемент $Я_{01}$. Это переживание пока еще не оформлено как объект (для описания можно привлечь удачный термин – «набросок *Я*», введенный Т. Н. Рябушкиной [5]). Назовем данную форму – *предсуществующее Я* (оно *бытийно*, но лишено признаков рефлексивности, в то время как существование, согласно Г. Гегелю, подразумевает рефлексивность). $Я_{01}$ – это переживание тождества, не имеющее форму объекта. «Набросок *Я*», по Рябушкиной.

Здесь *Я* бессознательно.

Второй виток активности $Я_{012}$

На втором витке активности появляется элемент $Я_{012}$. Это – экзистенциальное *Я*. Используя слова Кьеркегора, можно было бы сказать, что таков особый род бытия – «я сам в качестве экзистенции. Она – и есть я, поскольку я не становлюсь объектом. В ней я знаю себя в качестве независимого – правда, при этом я не могу видеть того, что называю своим *Я*» (Кьеркегор). Данное *Я* *предсознательно*.

Третий виток активности $Я_{0123}$

На третьем витке активности рождается элемент $Я_{0123}$ – *наличное Я*; оно представляет собой форму *само-*

¹² Признаюсь: под видом нового термина здесь предлагается особая трактовка «идентичности», что составляет одну из актуальных проблем психологии (и философии) *Я*. Проблема состоит в том, чтобы как-то справиться с многообразием *Я*, сохраняя его равенство себе самому [15]. Предлагаемое решение состоит в том, чтобы совместить семиотическую интерпретацию *Я* (означающее / означаемое) с субъектно-предикативной интерпретацией (*S* есть *P*). В этой трактовке, одно из более ранних состояний *Я* рассматривается как означающее более позднего состояния, а оно, в свою очередь, как означаемое; *вместе с тем*, первое из них есть логический субъект, а второе – предикат суждения о *Я*. *Самоидентичность* – переживание соответствия (равенства) между тем и другим. Каждый элемент $Я_{012...k}$ может рассматриваться как ступень приближение к *самости*. Используя несколько иное изображение – $Я_{0,1,2,...,k}$ (отделяя нижние индексы друг от друга запятой), можно толковать данное выражение как символ *длительности* (см. *Примечание 3*).

сознания, заключая в себе образ экзистенциального Я (первичный образ Я).

Необходимо отметить, что это – не единственный вариант психологического описания Я в динамике его становления и развития¹³. Формальная запись цепочки переходов

$$\bullet(((Я_0 \rightarrow Я_1) \rightarrow Я_2) \rightarrow Я_3) \rightarrow \bullet$$

открыта справа, что содержит в себе некий «вызов» к исследователю: найти более широкую рамку для описания элементов самоидентичности $Я_{0123\dots}$ (вмещающую в себя большее число элементов, чем изображенные на схеме).

Живой знак Я погружается в пространство бытия индивидуума

Будем исходить из того, что в процессе своего становления живой знак Я погружается в различные пространства бытия индивидуума и, соответственно, могут быть выделены несколько сфер существования Я [16].

Феноменологически различные сферы

Мы определяем три таких феноменологически различимых сферы: «Во мне», «Вне меня», «Между нами». Каждая из этих сфер может быть представлена еще более дифференцировано:

«Во мне»

«Во мне». Здесь выделяются такие пространства существования Я:

«со мной»: $(Я_0) \rightarrow Я_1$;

«при мне»: $((Я_0) \rightarrow Я_1) \rightarrow Я_2$;

«у меня»: $((Я_0) \rightarrow Я_1) \rightarrow Я_2 \rightarrow Я_3$.

«Между нами»

«Между нами». Это – пространство, занимающее положение между двумя, только что названными («Во мне») и – последующем («Вне меня»); оно включает в себя контенты «Мне» и «Мною»:

$$(((Я_0) \rightarrow Я_1) \rightarrow Я_2) \rightarrow Я_3 \rightarrow Я_4.$$

¹³ См., например, книгу В.С.Мухиной [17], в которой личность представлена образами «со-присутствия» человека-в-мире и мира-в-человеке (для автора этой капитальной работы таковы реальности: природного мира, предметного мира, образно-знаковых систем, социально-нормативного пространства). То, общее, что составляет логическую основу объединения «миров» в трактовке В. С. Мухиной, включает в себе идею знака, «знакового выражения», отражающего в себе контенты миров, результаты практической и духовной деятельности человечества. Не просто формулируется, но многообразно раскрывается притягательный в своей дерзости тезис: «Великое идеополе общественного сознания» двойственно в своем бытии; с одной стороны, оно включает в себя результаты совершенных и несовершенных деяний и действий людей; с другой стороны, оно представляет собой самостоятельную сущность, бытийствующую по присущим ей самой законам. Для меня это звучит так: любой «ход» на шахматной доске общественной мысли меняет все поле игры в целом: смысл и возможности фигур, стратегии игроков, и даже число действующих лиц в перспективе игры.

«Вне меня»

«Вне меня». В данном случае речь может идти о пространствах:

«у меня»: $(((((\mathcal{Y}_0) \rightarrow \mathcal{Y}_1) \rightarrow \mathcal{Y}_2) \rightarrow \mathcal{Y}_3) \rightarrow \mathcal{Y}_4) \rightarrow \mathcal{Y}_5)$;

«от меня»: $(((((\mathcal{Y}_0) \rightarrow \mathcal{Y}_1) \rightarrow \mathcal{Y}_2) \rightarrow \mathcal{Y}_3) \rightarrow \mathcal{Y}_4) \rightarrow \mathcal{Y}_5) \rightarrow \mathcal{Y}_6$;

«из-за меня»: $(((((\mathcal{Y}_0) \rightarrow \mathcal{Y}_1) \rightarrow \mathcal{Y}_2) \rightarrow \mathcal{Y}_3) \rightarrow \mathcal{Y}_4) \rightarrow \mathcal{Y}_5) \rightarrow \mathcal{Y}_6) \rightarrow \mathcal{Y}_7$.

Семь названных пространств образуют то, что мы называем мегапространством личности, или, иными словами, – континентом существования $\mathcal{Y}$, состоящим из двух материков («Во вне» и «Вне меня») и связующего их архипелага («Между нами»).

Сферы
существования Я

Рассмотрим сферы существования $\mathcal{Y}$ детальнее (рис. 8).

Во мне – со мной

1. *Во мне – со мной.* Это область существования «бессознательного» в топологической модели З. Фрейда¹⁴, «коллективного бессознательного» К. Юнга, «демонов» Э. Берна и других; «либидо» и «танатос» структурной модели З. Фрейда присутствуют там, «вторичные процессы» А. Минделла, «духовное бессознательное Я» В. Франкла – там же. Именно в этом пространстве таятся энергия жизни и силы роста личности, а также, возможно, базовые ориентиры, барьеры и опоры развития. Здесь же – отзвуки стимулов, воздействующих на субъекта извне, и превращающихся в его влечения¹⁵. Пространство «во мне и со мной», по-видимому, не может быть полностью субъективировано человеком (хотя бы уже потому, что «субъективация», как таковая, не может быть субъективирована человеком в самый момент ее совершения).

Во мне – при мне

2. *Во мне – при мне.* Это область существования «темных чувствований» М. Сеченова, «предсознательного» в топологической модели З. Фрейда, «краевых фигур (монстров)» А. Минделла, «до-рефлексивного» Ж.-П. Сартра, «подсознательного организмического

¹⁴ Примеры имеют иллюстративный характер, поэтому я ограничиваюсь общеизвестными именами и ни в коей мере не претендую на освещение всех релевантных понятий и достойных упоминания имен.

¹⁵ В одной из наших работ [18] мы гипотетически рассмотрели фазы развертки активности «Я» в направлении провокативного стимула – феномен рефлексивной возгонки влечения. Активность субъекта, искушаемого провокативным стимулом, развивается в четырех сферах личности, о которых сейчас мы ведем разговор. Одна из них – перед нами: «во мне и со мной» (сфера вневещественного потенциального опыта). Далее – прямо по курсу – «во мне и при мне» (сфера дорефлексивной чувственности), «во мне у меня» (сфера самосознания), «мною и мне» (сфера действия).

МЕГАПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ

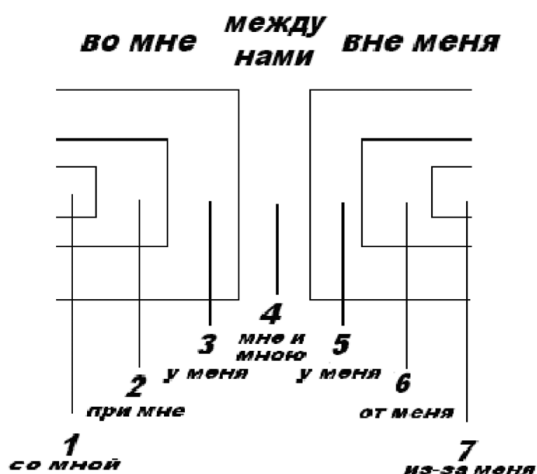

Рис. 8. Семь пространств существования личности

функционирования» К. Роджерса – опыт, потенциально доступный для сознательного понимания¹⁶ и др.

Во мне – у меня

3. *Во мне – у меня.* Это область существования «*cogito*» («мыслю») Р. Декарта, «сознательного» З. Фрейда, «объективации» Д. Н. Узнадзе, «сознательного внимания» К. Роджерса, «зоны осознания» Ф. Перлза, «переживающего Я» Берна, «осознания своего духовного Я» В. Франкла и др.

Мною и мне

4. *Мною и мне.* Это область контактов и взаимопревращений двух сфер бытия: *во мне* и *вне меня*. Там содержатся: накапливаемый подсознательный опыт (не достигающий статуса переживаемого), «давление среды» В. А. Лефевра, рефлекторные импульсы в ответ на телесные и средовые воздействия, «инстинктивные влечения» З. Фрейда, «идеомоторные акты» П. Жане, «возбуждение» Ф. Перлза, «первичные» и «фиксированные установки» Д. Н. Узнадзе, «детерминирующие тенденции» Н. Аха, «динамическая сила» и «направленная энергия» Р. Ассаджиоли и др. Обратим внимание на то, что содержания, представленные в пространстве *мне* и *мною*, не являются переживаниями человека, они лишь обращают к нему и исполняют его импульсы, исходящие извне (континент *вне меня*) и, соответственно, изнутри (континент *во мне*). Скажем, воля – «это непосредственная функция “я”, но функция во многом скрытая» [19, с. 157].

Вне меня – у меня

5. *Вне меня – у меня.* Так можно описать все то, что, не будучи мною, я отношу к себе, защищая от посягательств. То *внешнее*, которым обладает *внутреннее*. К

¹⁶ Привожу формулировку Р. Нельсон-Джоунс [21, с. 37].

категории *вне меня – у меня* относятся «физическое Я» У. Джеймса, «переходные объекты» Д. Винникотта, «сэлф-объекты», введенные Я-психологами «для обозначения тех людей, которые подпитывают наше чувство идентичности и самоуважения своим подтверждением, восхищением и одобрением» [20, с. 109].

Вне меня – от меня

6. *Вне меня – от меня.* Такова область существования результатов и последствий моей активности, мое бытие в другом человеке, ощущаемое им как несомненная реальность¹⁷. В субъективном пространстве другого я существую как *интроект* (интернализированный другой).

Вне меня – из-за меня

7. *Вне меня – из-за меня.* В этом пространстве сосредоточены значимые проявления моего присутствия в жизни других людей. Мы используем в данном случае термин «персонализация»: во мне видят личность, если я способен быть источником значимых изменений в жизни других людей. Результаты экспериментальных исследований эффектов отраженной субъектности представлены в ряде работ автора [9; 22]. Очевидно, что опосредствованные и отсроченные феномены персонализации могут быть совершенно неизвестны субъекту¹⁸.

Мега-пространство сосуществования различных Я

Как видим, мега-пространство сосуществования различных Я индивидуума – *во мне, вне меня, между нами* – включает в себе семь пространств. Первое из перечисленных есть область *трансцендентального* (условия опыта, не являющиеся его результатом), второе – область *трансцендентного* (того, что выходит за границы возможного опыта). Между трансцендентальным и трансцендентным – область наблюдаемого и постижимого в рамках индивидуального опыта.

Формообразования Я есть конструкты культуры

В начале этого раздела мы говорили о возможных метаморфозах, которые претерпевает живой знак Я при

¹⁷ Общеизвестные строки поэта Леонида Мартынова могут служить примером сказанного: «А ты, какой ты след оставишь...»

¹⁸ Когда автором этих строк была предложена концепция персонализации, и, в частности, соображения по поводу «земного бессмертия», Галина Михайловна Андреева (она возглавляла тогда кафедру социальной психологии факультета психологии МГУ) улыбнулась: «Интересно, кто будет испытуемым, и кто – экспериментатором?» Грустно в ответ улыбаются Толстой, Шредингер, Пастернак, Бехтерев и многие другие мыслители, обращавшиеся к этой проблеме... В статье «Индивид: его потребность и способность “быть личностью”», написанной в соавторстве с А. В. Петровским, мы цитировали А. С. Пушкина: «Нет, весь я не умру...», размышляя над тем, что остается [20].

вхождении в различные пространства бытия человека. Мы описали такие возможные метаморфозы, не утверждая, что они встречаются всегда и везде. Почему автор не утверждает, что они необходимо присутствуют в жизнедеятельности человека? Ответ состоит в том, что выделенные нами формообразования *Я* первоначально представляют собой *конструкты культуры (знаковые системы)*, рассеянные в «Великом идеополе общественного сознания» (В. С. Мухина) и постепенно впитываемые сознанием индивидуальным. Могли бы пояснить, основываясь на тезисе о культурно-историческом характере происхождения этих конструктов, что оживляющая их бессубъектная активность сама по себе не могла бы обеспечить их формирование. Мы не найдем здесь, по-видимому, имманентной логики саморазвертки активности в обход культурным знакам, опосредствующим ее течение. Именно культура задает модели схематизации *Я*: например, «самодействующее *Я*», «поглощенное собой *Я*» («он весь в себе»), «поисковое *Я*», «*Я* победителя» и т.д.

И в этой связи необходимо поставить вопрос, касающийся эпистемологического статуса предложенной на суд читателей системы описания сфер существования *Я*.

Феноменологическая сущность «семи пространств»

Действительно, названные автором «семь пространств» – что это: портрет самосознания, отражающий в себе всеобщие и необходимые черты сознающего себя индивидуума, или, может быть, сложный знак (модель, проект, прототип), отчасти отражающий, отчасти конструирующий возможные формы существования *Я*?

Идея проектирования *Я*

Мы придерживаемся второй точки зрения. Вопрос о существовании *Я* и возможных формах его существования в мире не есть для нас лишь вопрос *исследования* (будь то феноменологическое или эмпирическое исследование, при всех их различиях). Мы придерживаемся, в данном случае, идеи *проектирования Я*, включающей в себя идеи синтеза «естественного» и «искусственного» в трактовке сознания и поведения (Л. С. Выготский), «органической психологии» (В. П. Зинченко), «культурно-деятельностной» парадигмы (А. Г. Асмолов). Схема «семи пространств», таким образом, не только обобщает некоторые фрагменты самосознания эмпирических индивидуумов. Она задает контуры построения «психологического орудия» самополагания *Я*, этого уникального «искусственно-естественного» «мысленно-сверхмысленного» образования.

Начиная с сомнения в существовании $Я$ ¹⁹ и завершая чередой гипотетически свойственных ему форм, мы, таким образом, развиваем *обще-персонологическую* точку зрения на этот «предмет», объединяющую в себе психологическую теорию, психологическую практику, культурную психологию, психологию жизни [25; 26; 27].

Подытожим:

1. $Я$, первоначально, есть фантазия индивида о себе как самопологающем существе, – познающем, действующем, переживающем. Эта фантазия о себе, «знаковое $Я$ », является иллюзией сознания, – ей ничего не соответствует в действительности.

2. $Я$ никому не принадлежит. Оно не является чьей-то собственностью и не содержит в себе ничего «личного», «своего»; первоначально его нет даже «у себя самого».

3. Мысли, чувства, интенции $Я$ суть фикция, мираж, мнимость. Наяву существует лишь *имя* «я», существуют «рисунки» $Я$ в окружении слов («узоры», «композиции», «чертежи», «иконки»), существуют *символы* принадлежности, соотнесенности, направленности и т.п., описывающие « $Я$ » «во взаимоотношениях» с миром и его представителями (X): « $Я \supset X$ » – « $Я$ содержит в себе X »; « $Я \subset X$ » – « $Я$ содержится в X »; « $Я \Leftarrow X$ » – « $Я$ опирается на X »; « $Я \rightarrow X$ » – « $Я$ воздействует на X »; « $Я < X$ » – « $Я$ видит X »).

4. Точно так же нет и особой функции $Я$ как некоего загадочного, потаенного (беспредпосылочного, трансцендентального) телеологического основания активности; нет смысла искать ответ на вопрос: «зачем это мне?» Ответа на этот вопрос «в природе» мы не найдем. Всевозможные «ради меня», «во имя меня» суть лишь знаки чего-то, *проблематически* существующего (истинность существования соответствующих денотатов не очевидна!)²⁰.

¹⁹ Подлинное единство субъекта и объекта мысли, «я + ты», рефлекслируемое как мысль (подменяющая мыслящего), выражено гениальной строфой Н. Гумилева:

*«Как странно подумать, что в мире
Есть что-нибудь кроме тебя,
Что сам я не только ночная
Бессонная песнь о тебе...».*

Именно в тот момент, когда поэт, казалось бы, сомневается в собственном $Я$ как налично существе, оно обнаруживает свое действительное бытие, превращается в $Я$ как таковое, избегающее судьбы быть «редуцируемым».

²⁰ Намек на отсутствие искомого – в стихах Ф. Тютчева:

*«Природа – сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,*

5. Фантазии о себе (мы описываем их как *прообразы Я во взаимоотношениях индивида с миром*) способны становиться реальностью; это происходит тогда, когда они выступают в связке процессов, бессубъектных в своей изначальности; прообраз *Я* превращается в реальное *Я*, когда опосредует устремленные вовне импульсы индивидуальной активности; вследствие этого мир изменяется и адресует индивиду новые вызовы; на них индивид отзывается новыми импульсами, смешивая их со своей бессубъектной спонтанностью.

6. На каждом новом витке активность индивида не только опосредуется знаками *Я*, но и модифицирует их. Исходное – «словесно-рисуночное», иллюзорное – *Я*, как бы впитывая в себя и опосредуя собой живой поток активности индивида, приобретает статус *идеи*, – самодействующего представления, порождающего свой «объект».

7. На месте призрачного, миражного, статичного *Я*, которое, на поверку, есть всего-то прообраз *Я*, является *живой знак Я*, обладающий длительностью, осмысленностью, самоценностью («для себя бытием»); и, таким образом, рождаются истинные: *субъект познания, субъект воли, субъект переживаний*.

8. Могут быть выделены семь пространств (семь сфер) существования *Я*²¹: *Во мне и со мной (сфера предсуществующего)*; *Во мне и при мне (сфера дорефлексивной чувственности)*; *Во мне – у меня (сфера самосознания)*; *Мною и мне (сфера действия)*; *Вне меня – у меня (со-бытийная сфера)*; *Вне меня – от меня (сфера интроектов)*; *Вне меня – из-за меня («персоносфера» [24])*.

9. Культурные знаки *Я*, и среди них схема «семи пространств существования *Я*», есть психологическое (персонологическое) орудие самопостроения *Я* как особой реальности, существующей наяву, «участной» в бытии человека.

---

*Что, может стать, никакой от века
Загадки нет и не было у ней».*

²¹ В книге автора [13] представлена психолого-математическая модель (и эмпирические данные), характеризующие «волны самополагания» в стихии «семи пространств» *Я*: *самоактуализация* (опробование потенциальных возможностей – «смогу ли?»), *самореализация* (опыт достижения желаемого – «я смог»), *самопрезентация* (обретение успешности в глазах другого), *самотрансляция* («меня принимают»), *самотрансценденция* (чувство собственной востребованности).

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб., 1998.
2. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М., 2007.
3. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собр. соч. Т. 1. – М., 1992.
4. Хайдеггер М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. – М., 1993.
5. Рябушкина Т. Н. «Проблема саморефлексивности субъекта познания: эпистемологический анализ»: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – М., 2011.
6. Петровский В. А. Мотив границы: знаковая природа влечения // Мир психологии. – 2008. – № 3.
7. Петровский В. А. Смысловые миры личности, или «Во что верит мысль?» // Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. – Краснодар, 2010.
8. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. Языки славянских культур. – М., 2010.
9. Петровский В. А. Человек над ситуацией. – М., 2010.
10. Зайцева А. А. Некоторые морфологические характеристики слов категории состояния в русском и английском языках [Электронный ресурс].
11. Петровский В. А. Психология: «непредметность предмета» // Труды ярославского методологического семинара «Предмет психологии». – Ярославль, 2004.
12. Ярошевский М. Г., Петровский В. А. Психика // Общая психология. Словарь / Под ред. А. В. Петровского // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: в 6 т. / Ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. – М.: ПЕР СЕ, 2005. – С. 24–27.
13. Петровский В. А. Логика Я. – М., 2008.
14. Петровский В. А. Идея свободной причинности в психологии // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. – М., 1996.
15. Порус В. Н. Тождество Я: конфликт интерпретаций. Материалы научно-теоретической конференции «Проблема “Я”: традиции и современность». – М., 2011.
16. Петровский В. А. Семь пространств существования личности: формальные модели состоятельности // Мир психологии. – 2009. – № 1 (57). – С. 25–43.

17. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2010.
  18. *Петровский В. А.* Логика Я. – М., 2008.
  19. *Ассаджиоли Р.* Психосинтез. Принципы и техники. – М., 2008.
  20. *Мак-Вильямс.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. – М., 1998.
  21. *Нельсон-Джоунс Р.* Теория и практика консультирования. – СПб., 2001.
  22. *Петровский В. А.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии – 1985. – № 4. – С. 17–30.
  23. *Петровский А. В., Петровский В. А.* Индивид и его потребность «быть личностью» // Вопросы философии. – 1982. – № 3.
  24. *Петровский А. В.* Персоносфера // Общая психология Психологический лексикон. Энциклопедический словарь. – М.; СПб., 2005.
  25. *Петровский В. А.* Общая персонология: наука личности // Известия самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии». Самарский регион, 2003. – С. 20–30.
  26. *Старовойтенко Е. Б.* Модель персонологии в парадигме «жизни» // Мир психологии. – 2010. – № 1. – С. 157–173.
  27. *Петровский В. А.* Вступительные заметки (от главного редактора) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – Т. 4.
-